

ИЛЬЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

УДК 165; 101.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-5-11

Ивашук О. Ф.

**НЕПОСТИЖИМЫЙ ГЕГЕЛЬ И ОБМАНУВШАЯ ЭКСПОНЕНТА:
КОЛЛИЗИИ РОСТА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА**

Ивашук Ольга Федоровна, доктор философских наук, доцент. Российская академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ, просп. Вернадского, 82, стр. 1, г. Москва, 119571, Россия. E-mail: ofi@list.ru

Аннотация

Статья представляет собой попытку, опираясь на историю институционализации науки, вскрыть причины и взаимосвязь двух динамических феноменов: перелома в динамике философского развития в XIX в., который заметил Э. Гуссерль, и перехода роста науки из экспоненциальной в логистическую фазу, замеченного английской социологией науки и осмысленного М.К. Петровым в терминах его концепции тезаурусной динамики как связанного с институционализацией науки, происходившей в Европе с середины XIX века.

В 1917 г. Э. Гуссерль обрисовал развитие немецкой философии как линию, напоминающую параболу: постепенный подъем, взлет на рубеже XVIII-XIX веков, а затем резкий спад и отчуждение от духовных плодов великой классической философии, в результате которого даже сами немцы перестали понимать эту «невыносимую интеллектуальную акробатику». Истоков этого преобразования способа «ценить и понимать» Э. Гуссерль в эти годы не рефлектирует, а в 30-е годы XX в. связывает его с кризисом европейских наук.

В те годы наука никак не обнаруживала стагнирующих тенденций, но с 80-х годов XX века наукометрические исследования зафиксировали смену темпов роста. М.К. Петров предложил гипотезу, притязавшую объяснить это явление и систематически связать его с единым источником – особенностями институционализации науки и образования, которые он обозначает как экстенсивное онаучивание.

В горизонте этих общеевропейских процессов и как их продолжение определяется смысл тех перемен в науке и образовании, которые имеют место в России сегодня.

Ключевые слова: наука; философия; тезаурус; институционализация науки; диатрибическая традиция; творчество.

Ivashchuk O.F.

**INCOMPREHENSIBLE HEGEL AND THE DECEIVING EXPONENTIAL:
COLLISION OF GROWTH OF MODERN SCIENCE IN THE LIGHT
OF INSTITUTIONAL ANALYSIS**

Ivashchuk Olga Fyodorovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Prospect Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, the Russian Federation. E-mail: ofi@list.ru

Abstract

This article is an attempt to reveal with the help of history of science institutionalization the causes and mutual relations of two phenomena: the turning-point in the philosophical development in the 19th century, which was noted by E. Husserl, and the transformation of the science growth from the exponential phase to the phase of a logistic curved line, which was noted by sociology of science and interpreted by M.K. Petrov in terms of his conception of thesaurus dynamics as connected with the process of science institutionalization taking place in Europe from the middle of 19th century.

In 1917, E. Husserl outlined the development of German philosophy as a line similar to parabola: a gradual rise, a burst on the border of the 18th and 19th centuries, and then a sharp downturn and alienation from spiritual achievements of the great classical philosophy, so that even the Germans themselves could not comprehend any more this “intellectual acrobatics”. E. Husserl does not reflect the sources of this transformation of the mode of thinking. In the 30-th, he connected it with the crisis of European sciences.

In those years, a science by no means displayed any tendency to stagnation, but since the eighties of 20th century, a scientometric analysis has fixed a change in the growth pace. M.K. Petrov has suggested a hypothesis claiming to explain this phenomenon and to connect it systematically with a single source – with those characteristics of institutionalization of science and national education which he has marked as extensive scientification.

A sense of those transformations in science and national education, taking place in today's Russia, is determined within the horizon of these all-European processes and as their continuation.

Key words: science; philosophy; thesaurus; institutionalization of science; diatribical tradition; creativity.

В марксизме ильенковской школы является методологическим предписанием задумываться над социальными истоками процессов, происходящих в ментальной сфере. Требование это полезно обратить и на то, что происходит с самой ильенковской традицией, и – более широко – с отечественной философской традицией и философией нашего времени вообще, чтобы понять, почему после того как страна открылась в международную коммуникацию, отечественная философия не только не испытала подъема, которого можно было бы ожидать как результата интеграции с новыми, ранее мало задействованными тематическими полями, но, после некоторой подпитки культуртрегерскими усилиями, ощутила сужение собственного институционального пространства, говоря словами О. Мандельштама, «сильнейший сквозняк с запада» [8], который стал теснить отечественную философию на родном языке. Это проявляется не только как естественное тяготение исследователей к новому и желание выровняться по мировому уровню, само по себе тоже не однозначное (как относиться к проведению конференций на территории РФ, когда из рабочих языков конференции исключается русский? И насколько оправдано безоглядное стремление соответствовать «евростандарту», не думая о задачах собственно философской работы, которая не может сводиться только к переводу иностранных текстов, архивно-историческим изысканиям «истории философии истории философии» и культуртрегерским усилиям, при всей пользе последних?). Это проявляется и как административное насилие, понуждающее философов под страхом увольнения вписаться в иностранные science-индексы, принятые для оценки эффективности научных вкладов. Но если

философия по своему понятию должна быть самосознанием культуры, то, как писал Гегель, выполнять свое назначение она может только если существует на родном языке («известная наука является достоянием данного народа, когда он обладает ею на своем собственном языке, и по отношению к философии это условие более всего необходимо» [3, с. 361]). Что было бы, если бы, скажем, М. Хайдеггер, равняясь на science-индексы, писал не по-немецки? Состоялось ли бы, как назвал своего учителя Г. Гадамер [2], «великое мгновение современной философии»?

Уже сказанного достаточно, чтобы увидеть: эти мерки для философии – прокрустово ложе. Тем не менее, существует некий социальный поток, устойчивый давящий фактор, в силу которого их упорно пытаются применить так настойчиво, что впору задуматься: должны ли мы признать, что, как полудикому отсталому народу, нам с нашими ценностями место в этнографическом музее? Где же исток этих течений? Есть основания думать, что он серьезнее, чем просто административное недомыслие.

На это соображение наводят два наблюдения очень разных исследователей из разных культурно-исторических локусов, перекрещивающиеся в одном историческом пункте: 30-е годы XIX века.

В 1917 г. Э. Гуссерль во Вступлении к лекциям о Фихте обрисовал динамику философского развития в Германии в виде знаменательной параболы, в которой мощный всплеск приходится на время от Канта до конца жизни Гете, а затем наступает резкий спад, который делает великую немецкую классическую философию непонятной даже немцам.

Позволю себе привести это важное наблюдение полностью: «Немецкая духовная

жизнь от Реформации и приблизительно до смерти Гете дает нам примечательную картину. Из пустынных степей с незначительными возвышенностями поднимаются отдельные горные исполины, одинокие великие умы: Коперник, Кеплер, после долгого перерыва – Лейбниц. Затем вздымается сразу целая горная гряда духовного величия: Лессинг, Гердер, Винкельман, Вильгельм фон Гумбольдт, в поэзии благородные вершины – Гете и Шиллер, в философии гений Канта и пробужденная им философия немецкого идеализма, сама по себе величественная горная гряда со многими трудно достижимыми вершинами: Фихте, Шеллинг, Гегель, Шлейермахер, Шопенгауэр, если называть только самых известных. <...> Здесь мы наталкиваемся на тот знаменательный факт, что вечное содержание [творчества] этих великих умов в основной своей части (я имею в виду прежде всего немецкий идеализм) лишилось влияния в нашей духовной жизни, что оно сразу и полностью перестало оказывать свое воздействие <...> Сразу же спал, уже в середине XIX века, подъем духовной жизни, который исходил от великих идеалистов и который, распространяясь на весь мир, казалось, знаменовал собой преобразование мировой культуры. Господству этой философии над умами пришло на смену господство новых точных наук и утверждаемой ими технической культуры. Столь разительной была смена интересов и столь разительным обусловленное этим изменение способности ценить и понимать, что мы тщетно перелистывали бы книгу истории тысячелетий и углублялись бы в самые отдаленные сферы культуры, чтобы только найти философию, которая нам, немцам, и современному человечеству казалась бы более непонятной, чем эта, выросшая на почве нашего народа и лишь на одно столетие отстоящая от нас философия немецкого идеализма» [5, с. 367].

Можно сказать, что дело здесь идет не просто о немецкой философии, но о философии, которая была прорывом в мировом смысле, и, соответственно, о закате в том же глобальном масштабе.

Что же произошло с философией? Вот первый вопрос, который это описание вызывает. Но Гуссерль заставляет задуматься не только о философии. Характер философии всегда определяется тем, какое место она занимает в культуре, а характер современной культуры определяется тем, что в ней наука не часть или момент только, но составляет ее специфику [7]. То есть характер философии определяется из науки и фиксируется в ее институциональных

контурах. Вот почему это не два разных вопроса, о философии и науке, а один; понять, что произошло с философией, одновременно значит и понять, что такого произошло в науке как общем эфире современной европейской культуры, задав ей этот редуцирующий вектор. Почему наука не последовала тем путем, который был проложен ей великой философией, понимавшей себя как наука (Wissenschaft)?

Подход, который представляется в этой связи продуктивным, обнаружился в концепции друга и оппонента Э.В. Ильенкова – М.К. Петрова, которая, к сожалению, не была освещена отношением к ней Ильенкова, поскольку она была выработана уже в 80-е годы, но она интересна тем, что дает возможность применить марксистскую методологию анализа духовных процессов не только в масштабах общих культурных оснований, но более детально, на институциональном уровне. Речь идет о так называемой теории тезаурусной динамики [11].

Обращение к тезаурусной динамике позволило Петрову высветить механизм трансформации способа мыслить, который нас интересует, а именно, расслоение науки на две ипостаси: Wissenschaft с ее интеллектуальным всплеском и оттеснившую ее со временем на задний план ипостась science.

Согласно Петрову, тезаурус национального языка можно использовать в виде маркера, с помощью которого измеряется изменение содержания общения в двух процессах: (1) трансляции общественно-необходимого знания с «переднего края открытий» к началу обучения младенцев; (2) перехода взрослеющих индивидов с исходного уровня социализации в терминалы взрослой деятельности, в том числе на «передний край открытий». То и другое будет выражаться разностью $T_1 - T_0$, которая будет вмещать определенное конечное число элементарных актов общения, организованных в последовательность так, чтобы T_1 предыдущего акта совпадал с T_0 следующего, т.е. чтобы собеседники понимали друг друга.

Чтобы это встречное движение устойчиво воспроизводилось, должны выполняться два условия:

1) на переднем крае должен осуществляться «гетерономный синтез» субъективного (задающего характеристики человеческой индивидуальной размерности) и объективного (равнодушного к этой размерности источника определенности);

2) отношение T/t , т.е. скорость прохождения, которую общество в целях эффективности заинтересовано сделать максимальной, должна

укладываться в психофизические характеристики индивидуальной вместимости; т.е. время, потребное для прохождения дистанции $T_{Г-Т_{п}}$, должно уместиться в пределы жизни.

При этом обрисованная схема не специфицирует собственно науку, эта схема характеризует тезаурусную динамику любой культуры. А вот специфику собственно науки в современном смысле она выражает тогда, когда в роли наивысшего порога, еще обеспечивающего всеобщее взаимопонимание, $T_{и}$ – тезаурус интеллектуала XVIII – начала XIX века, воспитанного на тривии-квадривии

подготовительного курса классического университета, вытесняет $T_{у}$.

$T_{у}$ – это значение тезауруса, которого достигает выпускник средней школы в странах с всеобщим обязательным образованием, после которого становится возможным движение выпускников в терминалы, разделенные так называемой «коридорной ситуацией».

После вытеснения предметно вырисовывается жесткий каркас функционирования общения в контуре институционализированной науки (рис. 1).

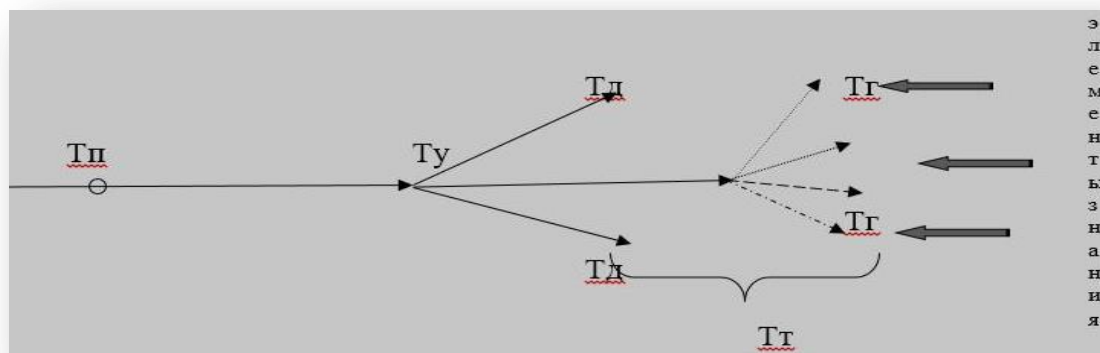

Рис. 1. Тезаурусная динамика в онаученном обществе
Fig. 1. Thesaurus' dynamics in scientified society

В этой схеме $T_{д}$ – тезаурус терминалов, один из которых, с самой длинной для прохождения дистанцией, для прохождения которой необходимо 4+2+3 лет (от четырех до шести студенческих и три аспирантских), – терминал профессиональной науки, разветвляющийся на $T_{г}$. $T_{г}$ – это дистанция, проходимая исследовательскими группами, она выводит на передний край мира открытий. $T_{п}$ – это тезаурус первоклассника, нижний предел гарантированного понимания в обучающей коммуникации. $T_{г}$ – тезаурус терминалов взрослой деятельности.

Когда в T-континууме предельной точкой всеобщего взаимопонимания становится тезаурус выпускника средней школы, обученного азам наук ($T_{у}$), – происходит тихая «культурная революция», а именно, «смена властей в системах образования стран европейской культурной традиции», «передача явочным порядком ответственности за всё то, что происходит в каналах универсальной (общеобразовательная школа) и специализирующей (постшкольная подготовка, высшая школа) подготовки входящих в жизнь поколений к взрослой деятельности

научно-академического сообщества» [12, с. 564-565], которое уже является дисциплинарно организованным. В этом и состоит «экстенсивная модель онаучивания общества».

До ее реализации выпускники классического университета, будь они медики, теологи, юристы или философы (допустим, математики), прекрасно понимали друг друга и могли писать о самых сложных проблемах своей области для широкой образованной публики, как и поступил Ньютон в своих «Математических началах натуральной философии»: «Я составил сперва об этом предмете книгу III, придерживаясь популярного изложения, чтобы она читалась многими. Но затем <...> я переложил сущность этой книги в ряд предложений, по математическому обычаю...» – не только затем, чтобы отсечь двусмысленности и пререкания, но и в силу доверия к читателю, который поймет суть, даже если опустит какие-то технические нюансы: «Достаточно, если кто тщательно прочтет определения, законы движения и первые три отдела книги I и затем перейдет к этой книге III о системе мира» [9, с. 501].

А выпускники современных университетов этого делать не могут; в лучшем случае, для дисциплинарно-непосвященных они напишут популярную версию своих идей, с которой на переднем крае работать нельзя. Если Ньютон, пишущий математический трактат, или Лейбниц, или Беркли замечательно понимают друг друга, теолог Беркли [1] наносит критические удары в самое средостение дифференциальному исчислению (последнему слову современной ему математики), то современные математики из смежных областей не знают языка друг друга. А поинтересуйтесь у современного гуманитария, что ему известно о методе годографа¹, он, пожалуй, спросит, кто это такой и когда он жил.

Иными словами, обсуждать высокие дисциплинарные проблемы с представителями других дисциплин бессмысленно, «коридорная ситуация» не позволяет, затачивая ум ученого в узко специализированном ключе, так что человеку внутри дисциплинарного Т-континуума не хватит жизни, чтобы эту узость продуктивно преодолеть.

Процесс указанного замещения происходил, начиная с 30-х годов XIX века, и выражался в формировании ряда институций, параллельных традиционным академическим структурам – университетам, в которых вырастали субъекты с T_{II} . В Англии это была BAAS – Британская ассоциация по продвижению науки (1831 г). За ней последовали аналогичные «перипатетические» – продвигающие себя посредством передвижных фестивалей – организации в других странах (Франции, Италии, Америке...).

И если «мужи науки», произведшие в свое время эту революцию обладатели T_{II} , могут при желании работать в обоих режимах – классическом и дисциплинарном, то следующее за ними поколение – уже нет. Последним носителем T_{II} М.К. Петров называет Г. Гельмгольца. Это на Западе, а у нас, пожалуй, как в рекреации, этот перелом запоздал примерно на полтора столетия и просматривается на смене поколений, начиная от «шестидесятников» ильенковского времени и к кульминации

¹ По данным Википедии, годограф (Hodograph, от греческих слов «ὁδός» – «путь» и «γράφω» – «пишу») – кривая, соединяющая концы вектора переменной величины (скорости, ускорения, силы и т.д.), отложенного в разные моменты времени от одной точки. Впервые понятие годографа величины было введено в 1846 году ирландским математиком, механиком, физиком-теоретиком, сэром Уильямом Роуэнсом Гамильтоном (поколение T_{II}).

подходит как раз сейчас, на волне реформы сферы высшего образования и науки. В этом процессе наших ученых выталкивают на конкурентный ценообразующий рынок еще одного подвида фиктивных товаров, помимо выделенных К. Поланьи («совершенно очевидно, что труд, земля и деньги – это отнюдь не товары, и применительно к ним постулат, гласящий, что все продаваемое и покупаемое производится для продажи, явным образом ложен» [13, с. 86]) – научных вкладов; рынок, где ценообразование зависит от технологической востребованности разработок, поэтому оно гонится, может быть, для оценки результатов техно-ориентированных science-образных дисциплин, но совершенно irrelevant науке образца Wissenschaft. Индикатором этого захвата рынком являются science-индексы, включающие глубоко специализированные западные журналы [10], с одной стороны, и переориентация университетов на выпуск востребованных рынком специалистов с точечными компетенциями, с другой.

То, что меняются не просто периферические формы организации деятельности, но сам способ мыслить, демонстрирует описанная Гуссерлем парабола в философии. И это обстоятельство вызывает двойные последствия.

1) Для науки в целом. Подход М.К. Петрова позволяет совокупность проблем систематически свести к двуединому источнику. Чтобы жесткий каркас национального Т-континуума воспроизводился, необходим, как мы помним, а) приток новых результатов гетерономного синтеза с переднего края, б) способность младенцев с их характеристиками человекоразмерности продвигаться к терминалам взрослой деятельности. И оба эти условия внутри институциональных контуров science довольно быстро оказываются подорванными.

С одной стороны, нарастает эффект «коридорной ситуации», что вызывает подрыв способности онаученных к «гетерономному синтезу на переднем крае». Наука не может расти, если нет гипотез, а science не может взять под контроль их производство как раз в силу принципиально репродуктивного, нацеленного на тираж, характера ее результатов, наложения запрета на научное же изучение творчества. Но science нуждается в творчестве на входе, она и есть эксплуатация творчества ради серийного производства и удешевления продукции в индустриальном контуре. Это ее социальная функция, которая определяет саму ее форму.

Результат – отмеченный наукометрическими исследованиями 80-х годов, остановившими внимание М.К. Петрова, переход науки из экспоненциальной фазы роста к фазе логистической кривой.

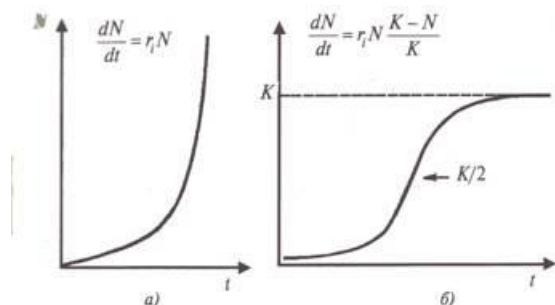

Рис. 2. Экспонента (а) и логистическая кривая (б).
Fig. 2. Exponential function – (a), logistic function – (b).

И философская параболa, и логистическая кривая науки как таковой суть социологически-измеримые факты, которые имеют место потому, что отсутствуют или вытесняются институциональные формы, в которых теоретическое знание классического образца могло бы существовать. Социальная функция science в рыночно-индустриальном контуре объясняет то, что даже в странах с развитой философской культурой, даже в «образцово философской нации» (Хайдеггер), которая на Западе дольше всех сопротивлялась сциентизации, произошел отказ от интеллектуального первородства в пользу science.

Любопытный факт: Англия, страна победившей science, несмотря на быстрый технологический успех, так же быстро отстала от Германии, дольше всех в Европе сопротивлявшейся онаучиванию, в математике, а затем и в химии. Как замечает М.К. Петров вслед за английским исследователем М.Б. Холлом, в середине XIX в. представленная именами Больяи, Гаусса, Римана, Дирихле, Кирхгофа и др. «континентальная математическая физика обрела сложность, недоступную для простого английского эмпиризма» [12, с. 383].

С другой стороны, объем растущей информации уже не поддается сжатию и освоению новыми волнами обучаемых. Человекоразмерность кажется абсолютным препятствием на пути освоения уже добытого знания, не говоря уже о производстве нового.

2) Последствия для философии можно определить вслед за А.В. Потемкиным [14] как

диатрибическое¹ перерождение философии, различая при этом диатрибику, сопровождающую всю европейскую мыслительную традицию, включая Гегеля, и диатрибику современную – результат онаученности, в которой Гегеля принципиально нет. Это перерождение и объясняет факты, удивившие Гуссерля.

Разрушение органических связей между дисциплинами, которое М.К. Петров обозначил как переход наук от единой теологической модели мира (где для всех дисциплинарных делений существует одна единая дисциплинарная вечность – момент сотворения мира Богом) к «модели Лайеля-Дарвина» (где каждой дисциплиной ведется свой отсчет «дисциплинарной вечности», и последняя простирается в каждой дисциплине ровно настолько, насколько позволяют «принципы униформизма и актуализма»), привело к выхолащиванию связей между областями знания. Оказавшись в чисто формальной связи с остальным корпусом знания, распавшимся на дисциплины, теория всеобщего, которая в принципе не может быть построена как science, начинает понимать себя в развилке: либо всезнание (наука обо всем), либо уничтожение (задним числом, паразитическое обобщение чужих открытий). В основе обеих стратегий, как показал Э.В. Ильенков [6], – одно и то же рассудочное понимание связи особенного со всеобщим. Оно срезает в философии, как недоступную и непосильную нормальному человеку «интеллектуальную акробатику» (Гуссерль), всю ту сложность мыслительной деятельности, которая как раз притязает быть синтетическим теоретическим уловлением творчества и субъективности. Сугубый аналитизм формирует очень избирательную теоретическую восприимчивость. Тем самым наука-science проходит точку невозврата, сама отрезая себя от питающей почвы, что и определяет возможные и невозможные для нее траектории движения. Правда, неизжитая «тоска T_u по T_n » свидетельствует о том, что этот сценарий еще не разыгран до конца, до полной безнадежности.

¹ Диатрибическая традиция, по определению А.В. Потемкина, – это школьно-учебная метаморфоза философии, в которой она предстает в форме результата без порождающего этот результат мыслительного движения, результата поэтому предназначен не для распредечения и со-мыслия, а для бессмысленного заучивания или технологической утилизации. Она существует, по преимуществу, в виде учебных и справочных пособий.

Сама Европа, за которой мы плетемся, ищет исхода из этого рассеяния ума. Критерий успеха на этом пути – обретение органов для восприятия потерянных сокровищ, когда «и у нас снова появится зрение для восприятия немецкого идеализма» [4, с. 368].

Литература

1. Беркли, Дж. Аналитик, или Рассуждение, адресованное неверующему математику // Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1978. 558 с.
2. Гадамер, Г.-Г. Пути М. Хайдеггера: исследования позднего творчества. Минск: ПроPILEI. 2007. 240 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Т. 3. М.: Соцэкгиз, 1935. 350 с.
4. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: «Владимир Даль», 2004. 400 с.
5. Гуссерль, Э. Фихтевский идеал человечества. Три лекции // Ежегодник по феноменологической философии 2009/2010 [II]. М.: РГГУ, 2010. С. 366-394.
6. Ильенков, Э.В. Проблема всеобщего в диалектике // Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
7. Ивашук, О.Ф. Человеческое "Я" как основание науки: философская классика и современность // L'univers de l'homme (Вселенная человека). 2010. № 1. С. 22-29.
8. Мандельштам, О. Буря и натиск // Русское искусство. 1923. № 1 (февраль). С. 75-82.
9. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 711 с.
10. Паршин, А.Н. Урок английского для министра образования // Российское образование и наука: новое законодательство – новые проблемы и задачи. М.: Гуманитарий, 2014. С. 202-206.
11. Петров, М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РОССПЭН, 2004. 776 с.
12. Петров, М.К. Философские проблемы науки о науке. Предмет социологии науки. М.: РОССПЭН, 2006. 624 с.
13. Поланьи, К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.

14. Потемкин, А.В. Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2003. 576 с.

References

1. Berkeley, G. The Analyst; or, a Discourse Addressed to an Unbelieving Mathematician. *Sochineniya*. Moscow: Mysl, 1978. 558 p.
2. Gadamer, H.-G. *Way of Martin Heidegger: Study Late Work*. Minsk: Propilei. 2007. 240 p.
3. Hegel, G. W. F. *Lectures on the History of Philosophy*. Moscow: Sotsekgiz, 1935. Vol. 3. 350 p.
4. Husserl, E. *Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*. St.-Petersburg: «Vladimir Dal», 2004. 400 p.
5. Husserl, E. Fichte's Ideal of Humanity. Three Lectures. *Yearbook on Phenomenological Philosophy 2009/2010*. [II]. Moscow: Publishing House of RSUH, 2010. Pp. 366-394.
6. Ilyenkov, E. The Problem of General in the Dialectics. *The Dialectic Logic*. Moscow: Politizdat, 1974. 271 p.
7. Ivashchuk, O. F. Human "I" as a Ground of the Science: Philosophical Classics and Modernity. *L'univers de l'homme*. No. 1 (2010). Pp. 22-29.
8. Mandelstam, O. Sturm und Drang. *Russkoye iskusstvo [Russian Art]*. No. 1 (February) (1923). Pp. 75-82.
9. Newton, I. *The Mathematical Principles of Natural Philosophy*. Moscow: Nauka, 1989. 711 p.
10. Parshin, A. N. The Lesson of English for the Education Secretary). *Russian Education and Science: new legislation – new challenges*. Moscow: Humanitariy, 2014. Pp. 202-206.
11. Petrov, M. K. *The History of the European Cultural Tradition and Its Problems*. M.: ROSSPEN, 2004. 776 p.
12. Petrov, M. K. *Philosophical Problems of the Science of Science. The Subject of Sociology of Science*. Moscow: ROSSPEN, 2006. 624 p.
13. Polanyi, K. The Self-Regulating Market and the Fictitious Commodities: Labor, Land and Money. *The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time*. St. Petersburg: Aleteya, 2002. 320 p.
14. Potemkin, A. V. *Metaphilosophical Diatribes on the Banks of Kiziterinka*. Rostov-on-Don: Rostizdat, 2003. 576 p.